

Анастасия
Шерр

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЗАУР.
Я ТЕБЯ УКРАДУ

Анастасия Шерр
Заур. Я тебя украду
Серия «Диалогия Заур», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66636242

SelfPub; 2021

Аннотация

Заур не одобрял весь этот сброд и их сомнительные развлечения с проститутками. Слишком далёк он был от современных тусовок, «вписок» и подобного дерьма. Заур, выросший в совершенно другом обществе, где основой всему была и есть вера, не выносил на дух легкодоступных, продажных женщин. Они отвратительны. Омерзительны и грязны. Их и женщинами-то трудно назвать. Но стоило встретить её, и его мир начал трещать по швам, рушиться и крошиться в пыль...

История о том, как встречаются два полюса, две стихии. О том, как встречаются земля и небо, огонь и вода. Два абсолютно полярных человека, разных понятий, разных религий, из разных миров. Двое, которые никогда не должны были встретиться...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анастасия Шерр

Заур. Я тебя украду

ОТ АВТОРА С ЛЮБОВЬЮ:

Мои дорогие, хорошие, самые замечательные! Эту историю я посвящаю всем вам! Да-да, именно тебе, читающему эти строки:)

Вопреки традиции благодарить после эпилога, я хочу сказать спасибо всем моим читателям вначале этой книги. Спасибо за то, что так высоко цените моё творчество. За то, что понуждаете меня писать больше и чаще! За вдохновение, которое вы дарите мне своими комментариями, жаркими обсуждениями, спорами, наградами, благодарностями. Спасибо тем, кто читает меня молча, но при этом не пропускает ни одну новинку. Вы все замечательные! СПАСИБО!

Почему я посвящаю вам именно эту историю? Потому что она самая противоречивая, самая удивительная. Об ошибках и искуплении, о страсти и прощении. О злобе, ревности, насилии, о радостях и печалях. Эта история о том, из чего состоит наша с вами жизнь.

Предупреждений и дисклеймеров не будет. Приятного чтения!

A.III.

ПРОЛОГ

Впервые он увидел её в «Паутине», только-только отжатой Саидом у одного из должников. Не то чтобы Хаджиев нуждался в какой-то забегаловке, пусть и одной из лучших в столице, просто отжал ради кайфа.

Заур не одобрял весь этот сброд и их сомнительные развлечения со шлюхами. Слишком далёк он был от современных тусовок, «вписок» и подобного дерьма. Заур, выросший в совершенно другом обществе, где основой всему была и есть вера, не выносил на дух легкодоступных, продажных женщин. Они отвратительны. Омерзительны и грязны. Их и женщинами-то трудно назвать.

Но стоило встретить её, и его мир начал трещать по швам, рушиться и крошиться в пыль...

Как это произошло? В какой момент потерпели крушение его устои и правила? Когда дали трещину его принципы?

После посещения клуба приходилось часами отмываться от мерзкой вони, которой, казалось, пропитывалась не только одежда, но и кожа. Но почему воняли все шлюхи, кроме неё? Что в ней такого, отчего, взглянув на неё однажды, начал постоянно искать её глазами. И находил. Даже тогда, когда она была за стеной. Даже когда танцевала перед очередным клиентом в закрытой комнате. Он стал чувствовать её, ощущать её запах даже на расстоянии. Почему она пахла ва-

нилью, а не чужой спермой? Что с ней не так? А может, это с ним что-то не так? Может, это его мозг дал сбой и уступил место животным инстинктам?

Сейчас, наблюдая за ней со стороны, как заботливо пересаживает дочку из коляски в тележку для продуктов и с задорным смехом мчится с малышкой в зал супермаркета, он не понимал, как шлюха может быть такой... Такой живой, жизнерадостной, любящей матерью. Как может светиться чистотой, когда на самом деле она должна быть грязной и отвратительной. Как может сиять её белая кожа. Как может быть так, чтобы ему хотелось коснуться её своими руками?

И почему он так помешался на ней? До дрожи и искр из глаз. До трясучки, до бешенства и западающей клеммы. Этот вопрос он задавал себе уже тысячу раз, но так и не смог найти на него ответ.

Прошёл мимо кассы и медленно направился за ней. За своей одержимостью, за своей девочкой. За шлюхой этой проклятой, пропитавшей его какой-то отравой.

Следовал за ней осторожно, стараясь не привлекать внимание. Не хотелось, чтобы увидела его сейчас. Она испугается и запаникует, а ему это сейчас никак не нужно. Потом, когда он украдёт её у Банкира, когда заберёт себе, пусть хоть обвоет, хоть обкричится там, в его стенах.

Глава 1

Я стала стриптизёршей в девятнадцать, через несколько месяцев после того, как родила дочку – единственный лучик в беспросветной тьме. Всё начиналось до банального просто... Залетела от мажорика, влюбившись в него, как тогда казалось, с первого взгляда, а когда сказала ему, что беременна, была послана далеко и надолго. Счастливый папочка исчез из моей жизни так же быстро, как и появился в ней. И главное, бесследно.

Нет, он не бедствовал, и жениться на мне я не просила. Я вообще ничего не просила и не требовала. Я лишь хотела, чтобы у моего ребёнка был отец. Его, однако, отцовство не обрадовало.

Беременность проходила тяжело, и несколько раз я даже подумывала о том, чтобы избавиться от «спиногрыза», как называл детей мой отец-алкаш до того, пока не сгорел от водки. Мать я не помнила, и лишь холодные стены детского приюта, а потом и детдома, оберегали меня от улицы и сырых подвалов, где обитали беспризорники. Впрочем, от беды всё равно не уберегли. В шестнадцать меня изнасиловал местный беспредельщик, которого побаивались и обходили стороной даже воспитатели детдома. Потом он приставил к моему горлу перочинный ножик и заявил, что вскроет мне глотку, если попытаюсь кому-нибудь пожаловаться.

Я не стала жаловаться, но из детдома сбежала. Вернулась к отцу, жившему на тот момент с такой же алкашкой, и так просуществовала до своего совершеннолетия. «Мама», она же Зоя Петровна, она же мачеха, в день моего восемнадцатилетия вручила мне триста пятьдесят рублей, пакет с тремя бутербродами и пятью яблоками и отправила навстречу будущему. То бишь выперла меня из дома, на полном серьёзе считая, что это я мешаю их с отцом счастью.

Я не стала спорить и объяснять ей, что счастью мешают ежедневные попойки. Просто поблагодарила дорогую маму и ушла в поисках лучшей жизни.

А в девятнадцать, имея за спиной лишь нежилую, абсолютно пустую комнату в коммуналке и аттестат об окончании школы, я подумала, что пора что-то менять. Но так и не успела, потому что через несколько месяцев после поступления в училище вырос огромный живот.

Сидя в кабинете гинеколога, я смотрела в глаза пожилой женщине, так безжалостно выплёвывающей мне в лицо свои умозаключения, и сдерживалась, чтобы не разреветься.

– Ну и что дальше будем делать, мамаша? – смерила она меня презрительным, даже осуждающим взглядом. – Аборт делать уже поздно.

– Поздно, так поздно. Рожать, значит, буду, – проямлила, опуская глаза в пол.

– Ну да. Плодить нищету – это ваше. Позалетают, а потом ищут, кому сбагрить. Ладно, напишешь отказную в роддоме

и гуляй дальше. Через две недели на плановый осмотр, свободна. Следующая! – рявкнула врач, как только я поднялась со стула.

Больше я к ней не пошла. И от ребёнка, конечно же, не отказалась, хотя, честно признаться, были такие мысли. Но как только взяла свою малютку на руки, поняла: не отдам её никому и никогда. Ни за что не отдам. В огонь войду, с обрыва прыгну, от голода свалюсь, но дочку никому не отдам.

А потом мою малышку забрали в бокс и не давали мне целые сутки. Лишь покормить заносили и снова забирали. Чувствуя, что что-то не так, я кричала и умоляла медсестёр объяснить мне, что происходит, но они лишь скорбно поджимали губы и вздыхали. А потом на мои вопли пришёл врач и объявил, что доченька больна. От постоянного недоедания и плохого сна во время беременности я произвела на свет ребёнка со слабым иммунитетом. Любая, даже самая ничтожная инфекция могла стоить моей крохе жизни. Один чих медсестры или простая случайность... и моей малышки могло не стать.

– Что я должна сделать? – тихо прошептала дрожащими губами. Я не позволяла себе расплакаться, словно маленькая девчонка. Моё детство закончилось, и я понимала, что кроме меня моей малышке никто не поможет.

Врач тяжело вздохнул и, сделав знак выйти сопровождавшей его медсестре, присел на край моей кушетки.

– Пойми, девочка, твоя дочь погибает. Слезами тут не по-

можешь. Потребуется длительное лечение. Возможно даже, оно растянется на годы. Если, конечно, не потеряем её сейчас... И лечение не из дешёвых. Страховки у тебя нет, да она всё и не покроет. Мы, конечно, собьём с государства какие-то гроши, но этого слишком мало. Нужно много денег. Отец ребёнка может обеспечить вам лечение?

Я закрыла глаза, чувствуя себя так, словно кожу жжёт открытым пламенем. Моя девочка, моя малышка...

– У неё нет отца. Только я. Скажите, сколько нужно денег? Я заработаю.

Диагноз, прозвучавший как приговор, подтолкнул к тому, что раньше считала неприемлемым и ни за что не пошла бы на это ради себя или кого-то другого. Но моя маленькая девочка заслуживала жить, заслуживала сделать первые шаги и сказать первое «мама». А я заслуживала это увидеть.

* * *

Я ненавидела свою работу. Презирала и тех, кто платил мне за неё. Жирные, отвратительные толстосумы с сальными глазками и мажущими даже по нутру взглядами. Меня тошнило и рвало первые пару месяцев, стоило выйти к шесту и начать раздеваться перед ними.

Но они платили деньги. Настоящие деньги. Не обещания, которыми изо дня в день меня кормили государственные органы. Не сочувствующие похлопывания по плечу, которыми

врачи пытались меня утешить, а реальная помощь, в которой так нуждалась моя Марианна.

Стиснув зубы и отключив эмоции настолько, насколько это было возможно в моей ситуации, я крутила задом перед похотливыми, потными мордами посетителей клуба, в который мне удалось попасть едва ли не чудом.

Спать с клиентами я не могла и долго отказывалась. За секс платили намного больше, чем за танцы, но этот порог мне было крайне сложно перешагнуть. Это значило бы потерять себя, как личность, стереть своё лицо и превратиться в шлюху, чьё имя мужчины никогда не запоминают.

А потом появился он... Человек, изменивший меня, давший надежду... Я в свои двадцать думала, что это ОН, тот самый, кто возьмёт меня за руку и выведет из кромешного мрака. Поможет подняться с колен и идти дальше. Он был красивым, солидным и обаятельным, притягивающим женские взгляды. Не юнцом, но вполне состоявшимся женщиной.

Всё оказалось слишком просто...

Свидания на крыше под открытым небом, подарки, лепестки роз... Эротические восточные танцы, которые я начала изучать ради него. Не просто раздевалась и трясла сиськами да булками, чтобы привлечь внимание, я была его одалиской, его наложницей, пленницей его красивых голубых глаз.

Всё это потеряло всякий смысл и изничтожилось в то

утро, когда мы впервые проснулись вместе в одной постели. Он улыбнулся мне, снисходительно похлопал по щеке и сел на кровати, зашуршав одеждой.

– Так, у меня скоро жена с отдыха возвращается, вот возьми. И спасибо. Если что, звякну, – бросил на подушку деньги, а я, ещё не отошедшая от волшебной ночи, уставилась на них с глупой, идиотской улыбкой. По мере того, как до меня доходил смысл его «спасибо», улыбка гасла. В глазах больно и неприятно защипало, и я резко села.

– Что это значит? Зачем деньги?

Он, конечно же, знал о моих проблемах. Да, я рассказала. Но лишь с целью поделиться своей болью с мужчиной, в которого начинала влюбляться, а не чтобы попросить у него помощи. Логичный ответ на вопрос, почему я работаю в стриптиз-клубе, не более.

– За отличный секс, – улыбнулся он, ласково потрепал за щеку и поднялся, надевая трусы. – Такси тебе вызвать?

– Нет, – прошептала, тоже поднимаясь на ноги, и заковыляла по комнате, отыскивая свою разбросанную по полу одежду.

Было больно. Так больно, что в груди всё спёрло и не продохнуть. Я и не пыталась. В тот момент, казалось, я вообще перестала быть человеком. Зачем мне дышать? Зачем сердцу биться? Зачем вообще что-то чувствовать?

Он – мужчина, которого я ещё вчера считала своим и даже не могла предположить, что для него кажусь лишь шлю-

хой. Он ушёл в душ, а я, натянув на себя несвежую, помятую одежду, поковыляла к двери, как побитая собака. Но у выхода остановилась, взглянула на деньги, так и оставшиеся лежать на подушке. Сглотнула, закрыла глаза.

Это всё равно произошло. И он считает меня шлюхой. И не изменит своего решения, даже если я уйду без денег. И он женат... Я была всего лишь развлечением. Игрёй, по которой он соскучился за годы унылого брака. У нас нет будущего и быть не может.

А там, дома, меня ждёт моя малышка. Моя кроха, так нуждающаяся в этих деньгах.

Я вернулась и схватила бумажки, зажала их в кулаке, сильно сминая. Выскочила на улицу, вдыхая утренний резкий воздух, и заорала, пугая ворон, кошек и бомжей, собравшихся у мусорного бака.

А потом вернулась домой, заплатила няне, всю ночь просидевшей у кровати и, упав на колени рядом, коснулась бледной щечки малышки. Прислонилась лбом к деревянным прутьям и улыбнулась, наблюдая, как дочка просыпается.

– Знаешь что, Мариаш? Наплевать, сколько ещё боли они заставят меня испытать. Я больше никого не пущу в своё сердце. Там только ты, и больше не будет места ни для кого. Я в пепел рассыплюсь, я о скалы разобьюсь, но тебя вытащу. Мы выживем, мы вырастем. И я сделаю всё, чтобы ты не страдала, как страдает твоя мать. Никому не позволю сделать такое с тобой.

На следующий день я взяла дополнительную работу в клубе. Вместе с другими девочками я принимала клиентов в ВИП-комнате, и всё, что происходило там, оставалось за закрытой дверью и в моей голове. Нет, я не смогла полностью абстрагироваться, но научилась отключать эмоции, когда становилось слишком больно и невыносимо.

И нет, эта работа не из лёгких, как может кому-то показаться. Это страшно, губительно для души, а иногда и для тела. Моя подруга, с которой начинали вместе, так и не смогла оправиться после садиста, испробовавшего на ней кучу пыток за одну ночь. Раны на теле залечить удалось, а вот разум... Разум её покинул.

Однажды, долго сидя у её кровати в психдиспансере, я поняла, что то же самое ждёт и меня, если однажды не вырвусь из этого мрака сама. Но пока... Пока не время.

Стараясь учиться на чужих ошибках, я создала для себя перечень негласных правил. Во-первых, я никогда не работала на выезде. Никогда и никуда не ездила с клиентами, даже если знала их не первый день и за это обещали хорошую плату. Безопасность – превыше всего. Я не могла оставить дочь одну в этом жестоком мире, не имела права легкомысленно относиться к своей жизни. Во-вторых, я всегда брала вдвое больше денег, чем остальные девушки. Иногда это вызывало возмущение и даже скандалы, но я упорно стояла на своём, не желая уступать. Таковы мои правила, и окружающим пришлось их принять.

Через полгода я продала комнату в коммуналке и смогла снять удобную квартиру в центре столицы, рядом с лучшей детской клиникой, где занимались моей дочерью. Я начала новую жизнь, и, возможно, она не всем понравится... Но это моя жизнь, и мне её проживать.

Глава 2

– Ой, Иланка, чё у нас творится! – запричитала Катя, смазывая бёдра детским маслом – так тело принимает более выгодный вид, особенно со сцены. Я бы сказала, товарный...

– И что же? – закончив подводить глаза, нанесла на губы прозрачный блеск. Я не люблю тонны макияжа, да и посетителям не нравится. Мужчины любят девушек посвежее и понатуральней, кто бы что ни говорил.

– С сегодняшнего дня у нас новый владелец, ты знала? Хотя куда тебе за пелёнками-распашонками... А я вот в курсе всех событий. И знаешь что, нам очень повезло.

Я равнодушно пожала плечами, на самом деле не вникая в суть её слов. Я и прежнего-то владельца никогда не видела. Знала только нашего директора-мудака Владимира Марковича, который время от времени избивал или насиловал девчонок. Садистом был, короче говоря. Девчонки не жаловались, молча сносили побои и издевательства, потому как жаловаться особо некому, да и работа край нужна. Шлюхами от избытка денег не становятся. Мне повезло больше других. Меня он избрал стукачкой. Да, мерзко. Но это намного лучше, чем трахаться с таким уродом, а потом неделями валяться по больничкам. Я себе такого позволить не могла, а потому регулярно докладывала ему, чем грешат бармены или администраторы. Разумеется, своих не сдавала, но тех

же, которые обижали девочек или забирали наши чаевые, я с удовольствием сливала Владимиру Марковичу.

– И чем же нам повезло? Придёт Мерри Поппинс и перевоспитает здесь всех шлюх? Вместо плясок с голой жопой откроем кружок по бальным танцам? – иронично вздёрнув бровь, я взглянула в зеркало, поймала на себе укоряющий взгляд Катюхи.

– Вот зря ты так. Между прочим, владельцем «Паутины» стал Саид Хаджиев. Это такооой мужиик! Ммм! Ты его как увидишь, трусы потеряешь! – для пущей убедительности Катюха причмокнула губами, а я закатила глаза. Ей для того, чтобы потерять трусы, многого не надо. Лишь бы деньги у мужика водились. Катя, собственно, и не скрывала никогда своей любви к баблу.

Нет, я не ставила себя выше других, прекрасно осознавая, что такая же шлюха, как и Катя, и Ника, и Альбина, и Анжела с Юлей. Мы все здесь в одной упряжке, все одним миром мазаны. Но если у девочек было желание после работы ещё заводить новые знакомства да играть в любовь, то меня на это не хватало.

Мне с трудом давался мой «план», и я с нетерпением ждала, когда ад закончится, когда снова смогу чувствовать себя человеком, а не грязной подстилкой, когда смогу вылечить дочь и закончить учёбу, чтобы в будущем найти нормальную работу и забыть всё, как страшный сон. Но до того дня ещё далеко, и я прекрасно это осознавала, не заблуждаясь и не

обманываясь.

У меня было всего три постоянных клиента, в то время как девочки обслуживали всех желающих. Я могла довериться только тем, кого уже знала и кто не вызывал приступ тошноты своим запахом или телом.

– Избирательная шалава, надо же... – как-то сказал Владимир Маркович.

Смешно, да. Если бы не было так горько.

– Ладно, желаю тебе удачи в поимке нового владельца. Я в випку.

– А что его ловить? Он уже здесь. Они с помощником сидят в кабинете Марковича, бухают. Я пойду, отнесу им кофейку, – Катюха подмигнула мне, развратно облизав пухлые губы. – Если что, забегай, отдам тебе помощничка. Он такой... мрачноватый, но тоже небедный.

Хохотнув, искренне пожелала Катюхе удачи, надела накидку, которую уже через пять минут сниму в ВИП-кабине и брошу к ногам постоянного клиента.

С минуту постояла перед зеркалом, уперевшись сжатыми кулаками в трюмо. Это ежедневный ритуал. Его я прохожу, чтобы выкинуть из головы всё, что будет мешать мне работать. И каждый раз делая это, пробегаю по всем кругам ада. Потому что выбрасывать из мыслей приходится всё то, что даёт мне свет, счастье, желание идти дальше. Мою малышку, встречающую меня по утрам с радостными воплями, её заразительный, задорный смех, её глазки цвета моря. Наши

мечты и грёзы, наши прогулки и походы в кино. Это ненадолго. Только до тех пор, пока не выйду из «Паутины» опустошённая и ледяная. Потом я сниму эту маску и вернусь к своей крохе. А до того момента должно быть так...

Нужно очистить голову от мыслей, любви, переживаний и забот. Потому что та Илана, мама Марианны, не может быть шлюхой. Она примерная мамочка, любящая, заботливая. Она не я.

Крепко зажмуриваюсь, резко открываю глаза. Она не я, и я не она.

Клиент уже в комнате, ожидает. Я облегчённо выдыхаю, когда вижу его. Он единственный, кто относится ко мне с уважением и лаской. Единственный, кому не хочется перегрызть глотку после того, как слезет с меня.

– Добрый вечер, – беру пульт, убираю яркость, и в комнате воцаряется интимный полумрак. Прохожу к шесту и под плавную, тихую музыку начинаю неторопливые движения.

Сегодня я нимфа. Невесомая, немного застенчивая и в то же время развратная. Альберту нравится. Ему вообще всё нравится. Наверное, я в его вкусе, потому что других девочек он не заказывает.

– Иди ко мне, – голос мужчины слегка севший, к концу моего танца возбуждаются все, но он особенно.

Отпускаю пилон и шагаю вниз, к его креслу. Опускаюсь перед ним на колени, а Альберт берёт меня за подбородок, приподнимает лицо кверху.

– Ну что, Жемчужина, ты подумала?

Ах, да... Его предложение. На самом деле я подумала и приняла решение сразу же после его вопроса неделю назад. Но, не желая обижать хорошего человека, обещала подумать.

– Я не могу... Простите, Альберт...

– Тшшш, – он прикладывает палец к моим губам. – Не надо этого выканья, сколько раз тебя просил? Ты лучше скажи мне, хорошо подумала? Может, тебе нужно ещё время?

Мужчина красивый. Не молодой, но возраст ему даже идёт. Солидный, щедрый, добрый. Но я не хочу и не могу никого впускать в свою жизнь. От мужчин лишь боль и неприятности, а мне неприятности не нужны. Равно как и боль. Достаточно.

– Я подумала. Нет.

Он вздыхает, явно недоволен, но не давит. Берёт меня за запястья и тянет вверх, усаживая к себе на колени.

– Ты не боишься заниматься проституцией в этом гадюшнике, но боишься стать моей любовницей? Могу узнать почему?

– Дело во мне. Просто... Мне не нужны мужчины. Это просто работа, не более.

Он понимающе кивает, кладёт руку мне на затылок и уверенно надавливает, накрывая своими губами мои.

– Закрыли тему. Но знай, моё предложение в силе.

Целует с горячим выдохом в рот и запускает в него свой язык. Я закрываю глаза, отдаюсь клиенту полностью, отклю-

чая разум и оставляя лишь голые инстинкты. Альберт – единственный, с кем могу так расслабиться. Иногда даже испытываю оргазм, что в моём случае почти невозможная роскошь.

Поднимается с кресла со мной на руках и шагает к дивану. Бросает меня на мягкий плед, нависает сверху и снова целует. Обычно я не позволяю себя целовать в губы. Это слишком интимно и не для всех. Этими губами та другая Илана целует свою дочь, поэтому я не делаю минет – ещё одно правило. Многие клиенты уходили от меня недовольными именно из-за этого моего бзика. Благо я не в борделе работаю и не по принуждению, могу сама решать, каким образом доставить клиенту удовольствие. Тех, кто пытается затолкать мне в рот свой причиндал, бесстрашно посылаю к другим девочкам. Но с Альбертом всё иначе. Он заставляет меня забывать, кто я и чем занимаюсь. Это, конечно же, подкупает и позволяет раскрепоститься до предела.

Пока я раскатываю по стволу его члена презерватив, Альберт смотрит на меня. Не трогает, не торопит, как обычно делают другие, опасаясь прийти на ужин к жене не вовремя. Смешно, да? Они боятся опоздать на ужин, но не стесняются трахать перед этим шлюху. Отлизывать ей между ног, а потом этим же ртом целовать свою семью.

Альберт другой. Я о нём практически ничего не знаю, но чувствую это. Он не такой, как все эти... А может, мне просто необходимо в это верить.

Со стоном запрокидываю голову, когда он входит в меня, заполняя одним уверенным толчком и, уткнувшись в мою шею, сдавленно хрипит. Сжимаю коленками крепкие мужские бёдра и всхлипываю, когда толчки во мне учащаются и становятся глубже. Альберт не груб, хотя и нежностей не любит. Он сильно возбуждён, будет отрываться за всю неделю, что мы не виделись, и я, выгибаясь, позволяю ему заполнять меня до предела, до пошлого звука соединяющихся тел.

Альберт уходит уже под утро. На все его попытки увезти меня из клуба сопротивляюсь. Он, конечно, вроде как хороший, но я свои правила не нарушаю. Почти все, почти всегда...

– Говорят, ты никого не целуешь. Это правда? – пока он застёгивает запонки, я лежу на диване, на смятом, влажном от нашего пота пледе.

– Говорят? – приподнимаю брови в удивлении. – И кто же это обо мне говорит?

– Неважно, кто говорит. Это правда?

Он узнавал обо мне? Настораживает...

– Правда.

– Но меня целуешь.

– Вас – да, – я никак не могу избавиться от привычки «выкать» ему. Казалось бы, после того, чем мы занимались с ним всю ночь, официоз уже не имеет никакого смысла, но Альберт внушает уважение и какой-то страх на уровне ощущений.

– Почему?

Пожимаю плечами.

– Вы мой любимый клиент, – улыбаюсь, перебарывая смущение.

– Чушь, – обрывает меня незамедлительно. – Почему?

– С вами мне... Не так, как с другими.

Он заканчивает со своей одеждой, подходит к дивану, и рядом ложится увесистая пачка денег. Я округляю глаза, поднимаю голову.

– Как-то много...

– Купи дочке что-нибудь, – произносит, глядя на меня сверху вниз и, тронув пятернёй за лицо, чуть сжимает щеки. – Увидимся через неделю, – большой палец ныряет мне в рот, надавливает на язык и растирает мою влагу по нижней губе. – Моё предложение всё так же в силе. Когда бы ты ни надумала.

Я ошалело смотрю ему вслед, а когда дверь за широкоплечим мужчиной закрывается, опускаю взгляд на деньги. Я в месяц столько зарабатываю... И откуда он узнал о дочке? Получается, наводил обо мне справки не только в клубе?

Это плохо. Это не по правилам. Я никогда не мешаю личное с работой. Эти два мира вообще не должны соприкасаться. Никогда. Они настолько полярные, что у меня кровь в жилах закипает от подобной мысли.

– Ну, что ты тут, Жемчужинка? – в дверях неожиданно появляется Катя, широко улыбаясь, ныряет в комнату. – Ох-

ох-ох! Да тут знатное порево было! – поддевает носком бо-соножка мои трусики, а я, потеряв ощущение уюта и спокойствия, хмурюсь и кутаюсь в плед. – А Банкир-то твой весь такой довольный умчался. Ух... тачку его видела? Сколько ж там бабла? Миллионер, по-любому.

– Кать, выйди, пожалуйста.

– Чего это? – она непонимающе разводит руки в стороны.

– Просто выйди, – голос на последних звуках начинает дрожать, и Катька вздыхает, спеша ко мне.

– Всё понятно. Опять отходняк начался, – притягивает меня к себе силой и крепко обнимает, пока я, уткнувшись в её плечо, реву белугой. – Ну всё-всё, девочка. Не надо. Ну что ты? Я тебе сколько раз говорила? Не парься, не думай. Это всего лишь работа. И работа, между прочим, неплохая, ясно? Вон сколько девок увозят в Эмираты в рабство, а сколько на трассе стоит? И сколько их находят по канавам да мусоркам? А у нас тут тихо, спокойно, не пыльно. Ну? – она взяла меня ладонями за лицо, встряхнула. – Чего разнылась, Илан? Обидел он тебя, что ли? – а потом опустила глаза вниз, на деньги, и открыла рот. – Нихера себе... Это чё? – взяла в руку пачку ровных новых купюр и взгляд на меня подняла. – Это же что он с тобой делал за такие-то деньжищи?

– В том-то и дело, что ничего такого... Ничего запредельного. Просто секс.

– Да ладно? – Катя подозревающе прищуривается. – Что-то как-то не верится, знаешь ли.

– Он узнавал обо мне. Знает, что дочка есть. И предлагал любовницей его стать. Чтобы с ним только.

– А ты чё?

– А я ничего, – пожимаю плечами. – Не нужны мне отношения. Не хочу.

– Ну вот и правильно. Странный он какой-то, – задумчиво бормочет Катя, прижимая меня к себе. – С тебя пироженка и кофе утром.

Смеюсь, шмыгая носом, и перевожу взгляд на приоткрытую дверь, за которой боковым зрением замечаю какое-то движение. Вздрагиваю от пристального взгляда чёрных глаз, и на коже выступают мурашки. Какой-то мужик стоит прямо за дверью, а когда я торможу Катю, чтобы обернулась, незаметно исчезает, словно испарившись.

Глава 3

– Ну что, выпьешь со мной? Гляди, какой клубешник приобрели, – Саид довольно откинулся на спинку кожаного кресла, отозвавшегoся приятным скрипом.

– Как будто у тебя их мало, клубов этих, – проворчал мрачно, отодвигая стакан с выпивкой. – Не хочу.

– Ну, как знаешь. Клубов не мало, но этот просто эпицентр похоти и разврата. Чувствуешь, здесь даже воздух сексом пропитан, – оскалился довольно Хаджиев. Он знатный любитель покутить. Сколько помнил его, Саид не менялся.

Запах Заур чувствовал, конечно. Здесь воняло, как в преисподней. Воняло дешёвыми, продажными шалавами. Ему, выросшему и воспитанному совершенно в иной среде, было дико находиться на этом дне. Отвратительно. Мерзко. В понимании Омаева женщина – это мать, прежде всего дающая жизнь. Женщина – это благодетель и чистота. Женщина – верность и преданность, надёжный тыл семьи. Но никак не грязная, продажная шкура. Глядя на этих подстилок, он не решался назвать их женщинами.

– Мне не вставляет, – поднял взгляд на очередную девицу, продефилировавшую от двери до стола с подносом. Что за показ они тут устроили? Уже третья за вечер. Двоих Заур сам выпроводил, потому что мешали разговаривать. А третья так вообще нагло завалилась, даже не постучав. Пусть

разок нарвутся на Саида, когда тот будет не в духе, вмиг научатся этикету и субординации.

– Добрый вечер, Саид Саидович. Меня зовут Анжела, я вам кофейку принесла, – промурлыкала, ставя поднос с двумя чашками на стол и обольстительно улыбаясь во все тридцать два Хаджиеву. При этом её раздутые силиконом сиськи едва не легли на стол перед Зауром. Отшатнулся назад, на спинку дивана. У девки приторные духи. И сама она воняет. Саид бы сказал сексом, но у Заура этот запах ассоциировался с кучей членов, которыми ежедневно тычут в местных давалок.

– Умница, – ухмыльнулся Саид, опуская взгляд на её ноги.

– Могу я вам чем-нибудь ещё помочь, – захлопала длинными ресницами, а Хаджиев сгрёб её за талию и потянул к себе на колени.

– А как же.

Заур поднялся с дивана, откашлялся.

– Я домой. Отоспаться хочу.

– Да ну? А как же девчонки? Гляди, какие тут красавицы. Не хочешь? – Саид смял ягодицу девицы всей пятернёй, а та прильнула к его груди, запуская наманикюренные пальцы под рубашку.

– Нет, – скривился, будто сожрав лимон. Или кусок дерьма. Отвратно до жути.

– Ну, давай. До завтра, – потом послышался хохот девицы, и Заур захлопнул за собой дверь в кабинет.

Сам направился к выходу, но что-то вдруг привлекло его внимание. Женский силуэт. Тонкий, изящный, хрупкий. Словно по темени ударило и заставило остановиться. И он остановился. Застыл напротив двери в ВИП-комнату, как вкопанный.

Дверь была приоткрыта, и он отчётливо разглядел владелицу того самого силуэта. Маленькую, красивую карамельную блондинку с полной, налитой грудью и большими серыми глазами, такими пронизывающими и яркими. Она почему-то плакала, и Зауру вдруг стало интересно, почему.

Шагнул ближе. Она молодая совсем. Нежная.

Тонкими руками прижимает к груди плед, но как-то неловко. Он соскальзывает, и Омаев видит нежно-розовый, маленький сосок. В паху становится тяжело, а пульс начинает зашкаливать, словно он на утренней пробежке.

Почему она голая? Почему плачет? Кто-то обидел?

Первой мыслью: изнасиловали. Разорвали на ней одежду и изнасиловали. И от подобной догадки закипает мозг. Кто?! Кто тронул такую девочку? Какая мразь посмела коснуться такого тела?

Ринулся туда, снимая с себя куртку, чтобы надеть на девочку, но первый шок уже схлынул, и он заметил вторую девушку, сидящую рядом и обнимающую её.

Прислушался.

– Нихера себе... Это чё? – подружка берет в руку пачку денег, внушительную такую «котлету». – Это же что он с то-

бой делал за такие-то деньжищи? – произносит испуганно.

– В том-то и дело, что ничего такого... Ничего запредельного. Просто секс.

Секс... Какой ещё секс?

Секс. За деньги.

Нет. Нет. Не может эта нежная красотка быть шалавой. Только не она. Почему-то подобная мысль причинила ему боль.

– Да ладно? – давит на неё подруга, а Зауру хочется её избить. Потому что она, сука, одетая, а нежная девочка голая и растрёпанная. Даже представил, как какой-то боров с отвисшим пузом и мерзкой физиономией мучил её на этом диване, как раздвигал ей ноги и вбивался между них, пока девчонка ревела и отбивалась. – Что-то как-то не верится, знаешь ли.

– Он узнавал обо мне. Знает, что дочка есть. И предлагал любовницей его стать. Чтобы с ним только.

– А ты чё?

– А я ничего, – потерянно пожимает худыми, узкими плечами. – Не нужны мне отношения. Не хочу, – а голос... Какой голос у неё... Внутри всё полыхать начинает от него.

– Ну вот и правильно. Странный он какой-то, – подружка снова обнимает её. Заботливо укутывает в плед. – С тебя пироженка и кофе утром.

Она вдруг смахивает слёзы и смеётся, хватая пачку бабла. И вмиг с его глаз спадает пелена. Шлюха же. Она обычная

шлюха. Как и все здесь. Давалка, продажная и грязная. Пропитанная спермой кучи мужиков.

Обычная шалава. Чего он стоит тут и пялится на неё, как на восьмое чудо света? Какого, бл?..

Она переводит на него взгляд, серые, насыщенные глаза расширяются, а рот приоткрывается. Трясёт подругу за плечо, чтобы та посмотрела на него, а Заур, выругавшись, уходит.

Почти до рассвета катался по городу, как умалишённый, почему-то не в состоянии выбросить из головы ту девчонку. И вроде бы должно быть запахло даже думать о ней, о грязной шалаве, но что-то не давало забыть. Он не мог сказать, что именно. Взгляд её серых глаз или то тело... То красивое до умопомрачения тело, на которое он так залип в первые минуты и до сих пор помнил каждый его миллиметр. Аж рот полон слюны, как у голодного пса.

Заур ценил женскую красоту, как и любой другой мужик. Разумеется, смотрел на женщин и, да, любовался. Но так ещё его не прошибало. Так, как прошибло этой ночью. Он на какое-то время даже остолбенел.

Может, это сказывается длительное воздержание? В сексе Заур нуждался ежедневно, но хватило бы и пары раз в неделю. Только вот привычка у него такая: шлюх на дух не выносит и предпочитает одну проверенную партнёршу. Она должна быть порядочной, пусть не девственницей – он, в конце концов, тоже не жениться на ней собирается, но хотя

бы верной ему одному. В Грозном была Карина. В Москве же Заур не решался заводить отношения. Не доверял русским девкам.

Старался на них особо не засматриваться, всё надеясь, что Саиду надоест играть в большого босса и они уедут домой. Но не случилось. А его, Заура, вон как занесло. Едва не побежал шлюху одевать в свою куртку. И одел бы, если бы она те деньги не схватила. Нашёл бы урода, трахавшего её, и расчленил бы за то, что такую красавицу обидел. Но вся соль в том, что её никто не обижал. Она сама выбрала себе такую «профессию».

И всё же в голове не укладывалось. Разве можно продавать такое тело? Оно должно дарить наслаждение только одному мужчине. Мужчине, который сделал бы ей детей и любил бы её. А раздавать свою сексуальность направо и налево...

– Хватит! – рыкнул себе вполголоса, ударяя по рулю. И засмеялся хрипло, по-дурному. Дожили, сам с собой разговаривает. Надо женщину найти. Попроще. Без закидонов и желания покорить весь мир. Пусть не будет красавицей, но будет верной и чистой. А то он так с ума сойдёт и на проституток полезет. И впервые за всё время вдруг допустил мысль, что мог бы... С той, которая в ВИП-комнате сидела.

Тряхнул головой, отгоняя эту грязную, до отвращения мерзкую мысль и, припарковавшись у дома, забежал в подъезд.

Скорее одеться и на пробежку. Затолкать в уши наушники и втопить на полную. Чтобы все глупости из головы вылетели. Чтобы все мысли о ней испарились. Он просто переработал, ему нужно как следует отдохнуть, и всё пройдёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.